

ОБРАЗ ЗЕЛЬДВИЛЫ В НОВЕЛЛИСТИКЕ ГОТФРИДА КЕЛЛЕРА

А. В. Орех

aminaoreh0@gmail.com;

Научный руководитель – Ю. Г. Курилов, кандидат филологических наук, доцент

В докладе рассматривается образ города Зельдвилы из двухтомного сборника «Die Leute von Seldwyla» (т. 1–2, 1856–74) как метафоры современного автору общества и тех социальных изменений, которые произошли в течение XIX в. В данной работе анализируется замысел автора, детали исторического фона произведения и отражение личного опыта писателя.

Ключевые слова: жанр новеллы; немецкий реализм XIX в.; сатира; швейцарская литература; Готфрид Келлер.

Обращение к прошлому немецких новеллистов второй половины XIX в. было попыткой осмысления изменений в обществе того времени: Теодор Шторм лелеял в своих новеллах-воспоминаниях старую мораль, Вильгельм Раабе оплакивал Птичью слободу как символ старого бюргерского мира, Готфрид Келлер же создал метафору современного общества – свою Зельдвилу.

История Зельдвилы началась в конце сороковых годов, когда молодой писатель приехал из родного Цюриха восторженным юношей, дышащим свободой и восхищенным победой радикалов и новой Швейцарской конституцией в гремящий от восстаний Гейдельберг 1848–49 годов.

В своих письмах он вспоминал окончание баденского восстания (Brief vom 24. Juli 1849): «Die badischen Soldaten mußten indes die Stadt verlassen, weil im Rücken eine Schlacht verloren war, und am anderen Morgen rückten die Preußen vor Sonnenaufgang ein. Ihr habt übrigens die ganze Bescherung jetzt selbst auf dem Hals. Wahrscheinlich werden nächstens die deutschen Fürsten selbst einander bei den Köpfen nehmen. Das Volk haben sie gemeinschaftlich abgetan...» («Между тем баденским солдатам пришлось покинуть город, потому что битва в тылу была проиграна, и на другое утро пруссаки отступили до восхода солнца. Теперь вся эта неразбериха камнем повисла у них на шее. Вероятно, в следующий раз немецкие князья сами вцепятся в головы друг друга. Народ коллективно отрекся от них...» [4] (здесь и далее перевод наш. – А. О.).

Если немецкие реалисты, в частности, Т. Шторм и В. Раабе противопоставляли старому миру новый, то Г. Келлер исходил из того, что новый мир это и есть старый, но время, люди и обстоятельства поменяли

его. Он считал, что попытка консерваторов цепляться за прошлое, сколь бы хорошим оно однажды ни было, препятствует будущему, что именно это помешало хоть сколько-нибудь положительному исходу немецкой революции.

Так была создана Зельдвила, кусочек того, старого патриархального мира, на примере которого Г. Келлер пытался показать духовное обнищание общества и то, что попытка сохранения этого мира привела лишь к стагнации, как политической, так и духовной.

Введение к сборнику «Die Leute von Seldwyla» Г. Келлер начинает со следующих слов: «Seldwyla bedeutet nach der älteren Sprache einen wonnigen und sonnigen Ort» [3, с. 76] («Seldwyla, согласно древнему языку, означает блаженное и солнечное место»). Писатель говорит о том, что ходят слухи, что когда-то этот город был именно таким местом. И читатель готов увидеть сравнение между «хорошим – старым» и «плохим – новым», но когда Г. Келлер начинает описывать «старую» Зельдвилу, он обманывает ожидания читателей. Вместо воспевания прошлого мы видим ироническую сатиру, Г. Келлер описывает жителей города так:

«Und sie leben sehr lustig und guter Dinge, halten die Gemütlichkeit für ihre besondere Kunst, und wenn sie irgendwo hinkommen, so kritisieren sie zuerst die dortige Gemütlichkeit und meinen, ihnen tue es doch niemand zuvor in dieser Hantierung» [3, с. 76] («И живут они очень счастливо и припеваючи, считают комфорт своим особым искусством, а когда куда-то едут, то первым делом критикуют тамошний комфорт и думают, что так еще никто не делал».); «... sie ermuntern sich durch ihre große politische Beweglichkeit, wenn der Ruf nach Verfassungsänderung in Seldwyla ausgeht, so weiß man im Lande, daß im Augenblicke dort kein Geld zirkuliert. Dabei lieben sie die Abwechselung der Meinungen und Grundsätze und sind stets den Tag darauf, nachdem eine Regierung gewählt ist, in der Opposition gegen dieselbe» [3, с. 76] («...они подбадривают себя своей большой политической мобильностью, если в Зельдвиле раздается призыв к изменению конституции, то в стране знают, что в настоящее время там не циркулируют деньги. При этом они любят смену мнений и принципов и всегда выступают против выбранного ими же правительства на следующий день после его избрания»).

Жители «старой» Зельдвилы предстают перед читателями заносчивыми и лицемерными, в некоторой степени невежественными. После Г. Келлер начинает описывать «новую» Зельдвилу, которая «менее чем за десять лет изменилась настолько, что грозилась стать собственной противоположностью», а именно «вместо толстого бумажника» люди стали носить «изящные записные книжки». Кроме того, «ehemals die eifrigsten Kannegießer, dahin gelangt, sich ängstlich vor jedem Urteil in politi-

schen Dingen zu hüten, um ja kein Geschäft, bewußt oder unbewußt, auf ein solches zu stützen, da sie das blinde Vertrauen auf den Zufall für solider halten» [3, с. 77] («прежде рьяные любители поговорить о политике стали опасаться любых суждений в политических вопросах, чтобы не основывать сознательно или бессознательно любое предприятие на таких суждениях, поскольку слепое доверие к случайности они считают более надежным»).

Другими словами, автор тщательно доказывает, что общество не изменилось до неузнаваемости за десять лет, а лишь приобрело внешние атрибуты новой эпохи, тогда как в духовном плане изнищало уже давно. Г. Келлер иронично говорит, что ныне горожане Зельдвилы такие же, как и везде, и писать о них нечего, поэтому его новеллы будут посвящены представителям той, старой «доброй» Зельдвилы.

Некоторые исследователи отмечают в данном сборнике опору «на традиционные фольклорные и литературные модели» и «пародию на сказочность, столь излюбленную романтиками» [1, с. 263], что призвано усилить сатирическую направленность новелл. Старая Зельдвила предстает перед нами местом, где две семьи, ослепленные алчностью и спорами за отнятую у нищего землю, доводят до самоубийства собственных детей, неспособных по их вине обрести счастье («Деревенские Ромео и Джульетта» – «Romeo und Julia auf dem Dorfe», 1856); местом, где мужчина может бросить жену с тремя детьми и долгами и сбежать в Америку («Фрау Регель Амрайн и ее младший» – «Frau Regel Amrain und ihr Jüngster», 1856).

Еще одна новелла – «Три праведных гребенщика» («Die drei gerechten Kammacher», 1856) – иллюстрирует то, что «жители Зельдвилы доказали, что город, населенный несправедливыми и безрассудными людьми, может как-никак продолжать свое существование в круговороте времен и изменчивых условий жизни; но на примере трех гребенщиков можно убедиться, что три праведника не могут долго жить под одной кровлей, не перессорившись насмерть» («Die Leute von Seldwyla haben bewiesen, daß eine ganze Stadt von Ungerechten oder Leichtsinrigen zur Not fortbestehen kann im Wechsel der Zeiten und des Verkehrs; die drei Kammacher aber, daß nicht drei Gerechte lang unter einem Dach leben können, ohne sich in die Haare zu geraten») [3, с. 134].

Георг Лукач писал в своей статье, посвященной Г. Келлеру: «Реализм для Келлера – это исчерпывающая полнота жизни, ее внутреннее движение, развернувшееся во всю ширь до трагического или комического завершения. В своих народно-демократических принципах он находил верный масштаб для правдивого и ложного, высокого и низкого в человеке. Эпически полное развитие действия и характеров влечет за собой

в его произведениях разоблачение всего пустого, фальшивого и утверждает все ценные человеческие свойства» [2, с. 145].

Все вышесказанное оказывается абсолютно верным для «Людей из Зельдвилы», Г. Келлер добивается того, что разрушает ширму «блаженного и солнечного места» и, в свойственной ему воспитательной манере, призывает современников здраво оценивать общество и его недостатки. Не жить в ностальгических иллюзиях, которые часто оказываются играми памяти, и тем более не руководствоваться ими в государственных делах.

Таким образом, Зельдвила становится растянутой во времени и пространстве метафорой. Зельдвильцы не являются швейцарцами или немцами, и даже в полной мере не относятся к определенному временному промежутку. Зельдвила становится своего рода антиутопией, которая показывает, что, запертое в духовном консерватизме, без развития и изменений даже самое «блаженное и солнечное место» станет «городом, населенным несправедливыми и безрассудными людьми».

Библиографические ссылки

1. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. Москва: Наука, 1990.
2. Лукач Г. Готфрид Келлер // Литературный критик. 1940. № 11–12. С. 141–172.
3. Gottfried Keller. Sämtliche Werke in acht Bänden, Bd. 1. Berlin : Aufbau. 1958–1961.
4. Gottfried Keller. Gesammelte Briefe, hrsg. von Carl Helbling. Bd. 1. Bern : Benteli Verlag, 1950–54. S. 415.